

Поехали!

(рассказ)

Дмитрий Ермаков

Тимофеевка — деревня на весёлом зелёном холме. Поля вокруг холма впервые за последнюю тысячу лет не засеяны...

Домов с полста ещё будет в деревне, с дворами, банями, огородами. Есть даже Дом культуры — кирпичная полуразрушенная коробка, есть притулившиеся с крайчику мастерская и ферма. Есть даже церковка, потому что когда-то Тимофеевка и не деревней была, а селом. Не совсем ещё церковь восстановлена, но недавно была освящена и на праздничные службы приезжает монах-священник отец Илья...

Есть и контора бывшего колхоза “Передовик”, потом сельхозкооператива, потом какого-то ЗАО, а теперь и непонятно чего.

У конторы сегодня выстроились в рядок блестящие иностранные машины.

По Тимофеевке от дома к дому, от двора к двору — говорок: “Покупатель приехал!”

На втором этаже конторы, в светлом кабинете за длинным столом сидят люди. Совещание. На стене кабинета — карта-схема предприятия и фотография в рамке: по-пляжному загорелый мужчина в чёрных очках и пёстрой рубашке — бывший генеральный директор ЗАО.

Очень аккуратный, в костюме, при галстукe, в рубашке с твёрдым воротником, с безупречным пробором в аккуратнейшей причёске, неопределимо-среднего возраста человек — арбитражный управляющий, готовивший предприятие к продаже.

Рядом, по правую руку от управляющего, — плотный, невысокий, со светлыми волосами и коричневым загорелым лицом, в клетчатой рубашке с короткими рукавами — начальник управления сельского хозяйства района.

В клетчатом пиджаке, на лацкане которого флажок-триколор, в очках в золотой оправе — депутат областной Думы.

Напротив той троицы, через стол: в розовом пиджаке и голубой под ним рубашке, улыбочивый рыжий человек средних лет — покупатель. Справа от него — похожий на арбитражного управляющего, как родной брат, аккуратный молодой человек. Слева — непонятная девица, крашенная брюнетка с синими квадратными ногтями...

Единым серо-молчаливым островком в углу стола — специалисты хозяйства: главный агроном, главный зоотехник, ветеринар, инженер, ещё кто-то...

— Крайне важно сохранить “Передовик” как сельхозпредприятие, — строго сказал начальник управления сельского хозяйства.

— Мы... в свою очередь... — деловито проговорил арбитражный управляющий.

Депутат молча, многозначительно кивнул.

Покупатель расплылся в улыбке. Молодой человек, похожий на арбитражного управляющего, деловито ответил:

— Мы... разумеется...

Неожиданно подала голос девица:

— Пони заведём!

После паузы, начальник управления выговорил:

— Какое пони?

— Ну, такое! — ответила девица.

Покупатель улыбался.

Совершалась формальность — передача бывшего колхоза-кооператива-ЗАО в новые богатые руки. Чем будет заниматься тут покупатель — только он теперь и решал...

В это же время в мастерской на окраине деревни сидели мужики-механизаторы. Ждали вестей из конторы, разговаривали... Тут же стояли четыре многократно перебранных их руками трактора, сеялка, ещё какие-то механизмы, сварочный аппарат, кувалда...

Мастерская была из силикатного кирпича, сорок лет назад строенная; её прохудившаяся крыша залатана кусками рубероида и шифера. В некоторых окнах нет стёкол, они затянуты клеёнкой...

— Серёга, картошку-то посадили?

— На той неделе ещё! А вы?

— И мы... Иваныч, а ты опять не сажал?

Иван Иванович — по виду самый старший, бородатый, могучий мужик отвечает:

— Нет. Зачем мне?.. А зато у меня хрен-скороспелка по всем грядкам растёт. Хорош хрен!

— Хрен овощь нужная! — смеются мужики.

И тут пришёл из конторы числившийся бригадиром механизаторов Витя Заботов — худенький незаметный мужичок. Незаметный, но церковь-то именно он два года назад начал восстанавливать, сначала один, а потом и помощники появились...

— Ну, чего, Витя? — все на него уставились.

— Плохо дело, не будут сеяться, — ответил Витя, присаживаясь на замасленную скамью у стены.

— Эх, были бы семена — сами бы посеяли! — Серёга Иванов досадливо махнул рукой.

Все угрюмо молчали.

В это же время от конторы разъезжались зловеще блестящие под солнцем лакированные машины...

— Ну, что, мужики, пожалуй, пора, — первым подал голос Иван Иванович, выпрямляясь во весь свой богатырский рост.

И вскоре механизаторы разошлись из мастерской с важной новостью.

И стали люди готовиться: чистили свои дома и дворы, обихаживали, у кого

была, скотинку, и сами одевались в чистые белые одежды...

Явившийся непонятно откуда отец Илья отслужил вечернюю службу, после которой все снова разошлись по своим дворам. А отец Илья встал на монашескую молитву...

Иван Иванович вошёл в мастерскую, открыл неприметную железную дверцу, за которой вроде бы скрывался электроцит. Но на нём была всего лишь одна запылившаяся красная кнопка. Тут же, рядом с кнопкой, лежал микрофон без всякого провода. Но когда Иван Иванович сказал: “Внимание, внимание!”, — все в Тимофеевке услышали его. Будто из невидимого большого репродуктора зазвучал его голос. Люди торжественно замерли. “Объявляю готовность номер один!” И тут на Иване Ивановиче, на отце Илье, на стареньком председателе колхоза “Передовик” Пенькове, на всех-всех жителях Тимофеевки появились прозрачные сферы, от плеч наглухо закрывшие их головы. В тот же миг весь холм с раскинувшейся на нём Тимофеевкой накрылся прозрачным куполом. Небо бескрайней звёздной картой раскинулось над холмом.

— Начинаю обратный отсчёт, — звучал торжественный голос. — Пять, четыре, три, два, один...

— Поехали! — единым духом выдохнула Тимофеевка.

Когда на следующее утро приехала блестящая чёрная машина, и из неё вылез покупатель и его свита... Не было холма. Не было Тимофеевки. Только лопушился на плоской земле хрен.